
НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ХОЗЯЙСТВА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ

© 2010 г. М.Г. Завельский

(Москва)

Развитие экономики представляется имитационной моделью, расчетами по которой обнаруживается существование в нем сверхдлинных волн, объяснимых обновлением и устареванием институциональной и мотивационно-мировоззренческой среды хозяйства. Показывается, что этот процесс происходит в экономическом пространстве, которое задается системой отсчета переменных хозяйства как координат и обладает динамичной геометрией, изменяющейся во времени, что влечет его перемещение из одной мировоззренчески-институциональной среды в иную, стимулирующую замещение друг друга факторами производства согласно особым закономерностям и соотношениям. Выявляется роль свободы и внешнего регулирования хозяйства в таком движении, рождение при этом новой общенациональной и международной формы богатства и соответствующих ей экономических отношений, предлагаются антикризисные меры применительно к состоянию современной России.

Ключевые слова: экономические циклы, длинные и сверхдлинные волны, мотивационно-институциональная среда хозяйства, имитационная модель экономики, хозяйственное пространство, всеобщая ценность индивидуального образа жизни, нерегулируемая экономика, кризисы, антикризисные меры.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ

Разделяю мнение, что глубинная причина нынешнего экономического кризиса – “несогласованность между рынком и правом” (Аттали, 2009). Около 80 лет назад именно это вызвало Великую депрессию, которая была преодолена во многом благодаря пересмотру правил поведения агентов рынка и его регуляторов. Сегодня все могло бы “обойтись”, случись это вовремя и с учетом волнообразного развития экономики, которому присущи вложенные одни в другие регулярно повторяющиеся колебания различной продолжительности. Их основа – “притяжение” и “отталкивание” хозяйственной материей продуктивности (Завельский, 1999). Эти ее фундаментальные свойства вызывают технологические и организационные изменения. Специалисты считают, что так осуществляется переход экономики из одного состояния сбалансированности по ресурсам определенного типа к другому. При этом классификационным признаком “ресурсов” выступает длительность их жизненного цикла. Статистически достоверно установлено присутствие в этом процессе малых (3–3.5-летних), средних (7–11-летних) и отмечено появление длинных (40–60-летних) волн.

Последние, как считал Н.Д. Кондратьев, образуются из-за нарушений баланса основных капитальных благ, который восстанавливается благодаря научно-техническому прогрессу. Он характеризуется базисными и улучшающими инновациями, причем те, которые во время каких-то колебаний выступают как базисные, определяющие их длительность, по отношению к инновациям на охватывающих волнах оказываются лишь улучшающими. Помимо технических это могут быть организационные и мотивационно-мировоззренческие новинки, которые, вероятно, порождают сверхдлинные – гипер- и суперволны в развитии экономики. Об этом говорят исторические факты (см., например, (Mumford, 1967) и др.).

Можно предположить, что параметры волн каждой разновидности зависят от переменных охватывающей их волны более длительного цикла. И вообще характеристики способа производства, существенные под углом зрения всякого меньшего цикла, за его несколько итераций достигают устойчивого состояния, из которого их способна вывести только очередная волна

превосходящего цикла, требующая инноваций, базисных по отношению именно к нему. Возникновение таких инноваций можно объяснить следующим. Хозяйство как объект каждого меньшего цикла – относительно равновесия соответствующего типа – представляет собой линейную систему, но как объект большего цикла – относительно равновесия иного типа – это открытая нелинейная система. В одном случае развитие экономики направляется внутренними событийными причинами колебаний, в другом – ему потенциально присуще множество разных законов поведения. Известно, что в открытой нелинейной системе (первоначально однородной среде) благодаря диссипативно распространяющемуся потоку энергии извне способны спонтанно возникать различные структуры, упорядоченные в пространстве и времени (Николич, Пригожин, 1990). При этом малые мотивационно-мировоззренческие возмущения могут оказаться достаточно большими, чтобы вызвать организационные последствия, которым по силам заметно воздействовать на технологический прогресс.

Процесс структурных преобразований хозяйства подобен такой непрерывной последовательности нарушений симметрии, в которой новая симметрия допускает его большее технологическое или организационное разнообразие в рамках фиксированной институциональной или мотивационно-мировоззренческой среды. Адекватная неравновесному поведению нелинейность экономики предполагает обмен устойчивостью между ее различными альтернативными структурами каждого типа. В ходе ее развития такой обмен аппроксимируется обменом информацией между всяким охватываемым циклом и непосредственно охватывающим его. Благодаря этому хозяйство в качестве объекта первого цикла, рассматриваемого автономно, и хозяйство, взятое в рамках второго, соотносятся как реальности – актуальная и потенциальная. Последнюю можно трактовать как единство, содержащее в свернутом виде, в скрытой форме, множество альтернативных структур, из которых при каждой волне охватывающего цикла одна обретает, а другая утрачивает пространственно-временную определенность.

Охватывающий цикл тем самым задает внешние условия охватываемого, отделяя альтернативные структуры экономики как его объекта, каждая из которых может актуализироваться при некотором критическом состоянии хозяйства, от того, что никогда не способно реализоваться. Вместе с тем внутренние изменения хозяйства в качестве такого объекта относятся к субъективным условиям охватываемого цикла, причем подобные условия меньшей волны “поглощаются” субъективными условиями большей, разнообразие которых растет, тогда как разнообразие “объективных” (т.е. внешних для экономики) условий ограничивается. Отсюда следует, что изменения субъективных условий хозяйства во всяком меньшем цикле при очередной итерации охватывающего тем более велики, чем значительнее один удален от другого в иерархии разнотипных волн. Поэтому наступление очередной волны организационных новаций больше сказывается на разнообразии внутренних причин экономического роста, чем неравновесность хозяйства, которая определяется технологически. Но неравновесность хозяйства, обусловленная мотивационно и мировоззренчески, влияет на это разнообразие гораздо заметней очередного цикла организационных новшеств.

Однако когда хозяйство рассматривается под углом зрения некоторого охватывающего цикла, тогда с самим собой, взятым в рамках охватываемого цикла, оно тоже соотносится как реальность актуальная с реальностью виртуальной. Ведь возможны разные улучшения базисной технологии, которая определилась охватывающим циклом, и при возникновении в охватываемом соответствующих обстоятельств в каждой группе альтернативных улучшений какое-то одно актуализируется там как локальная инновация. При этом из-за упомянутого “поглощения” могут измениться внутренние условия преобразований, выступающих объектом охватывающего цикла, а потому – и определяемая ими структура хозяйства. Вероятность таких явлений тем значительнее, чем менее циклы удалены друг от друга в иерархии разнотипных волн экономического развития.

Применительно к каждому промежуточному циклу этого процесса возможно нарушение любой симметрии. Стало быть, никакой закон сохранения здесь не действует как абсолютный. Но допустим (поскольку мотивационно-мировоззренческие инновации есть не более чем результат постижения людьми независимого от них смысла жизни), что верна гипотеза асимптотичности всего процесса. Значит, развитию экономики присуща некая “генеральная волна” – без охватывающего цикла. Тогда существует такая симметрия, определяющая границу хозяйства, которую

нельзя нарушить без того, чтобы его структура в качестве объекта этой волны, оказываясь безальтернативной, не отождествилась бы с внутренними условиями, т.е. форма не слилась бы с содержанием.

Взаимосвязи охватываемых и охватывающих циклов экономического развития были исследованы нами с помощью имитации на системе моделей, в которой длинные волны считались существующими, причем использовалась их следующая упрощенная формализация, заимствованная из (Меньшиков, Клименко, 1989):

$$\begin{aligned} dy/dt &= -\alpha(y - bk), \\ dk/dt &= -\beta(k - gp), \\ p &= y - k, \end{aligned} \quad (1)$$

где y – темп прироста производительности труда; k – темп прироста капиталовооруженности; p – темп прироста нормы прибыли; α – коэффициент приспособления скорости y к k ; β – коэффициент приспособления скорости k к p ; b – среднее (или необходимое) соотношение между y и k , знак которого показывает направление изменения y относительно точки равновесия; g – среднее (или необходимое) соотношение между k и p , знак которого показывает направление изменения k относительно точки равновесия.

В соответствие этой модели была поставлена следующая формализация гиперволн, связанных с таким устареванием и обновлением институциональной среды бизнеса, в ходе которого появляются базисные для “длинных волн” технологические инновации:

$$\begin{aligned} d\alpha/dt &= -\mu(\alpha - \eta b), \\ db/dt &= -\delta(b - \nu g), \\ g &= \gamma\alpha - b, \end{aligned} \quad (2)$$

где α , b , g сохраняют тот же смысл, что в системе (1); μ – коэффициент приспособления скорости α к b ; δ – коэффициент приспособления скорости b к g ; η – коэффициент приведения α и b , измеряемых в разных единицах, к сопоставимому виду (характеризует среднее или необходимое соотношение между ними); ν – среднее (или необходимое) соотношение между b и g , знак которого показывает направление изменения b относительно точки равновесия; γ – величина, обратная η .

Система (2) отображает ускорение (замедление) адаптации y к k , а также скорость приспособления сдвигов относительно точки равновесия к подобным сдвигам k под влиянием зависимости от устаревания и обновления институциональной среды бизнеса. Такая картина взаимоотношений охватывающего цикла с охватываемым представляется характерной для волн всех типов: происходящее со структурой объекта меньшего цикла обнаруживается изменениями коэффициентов приспособления скоростей движения одних переменных данного объекта к скоростям движения других и средних соотношений между ними. Поэтому модель суперволн, связанных с устареванием мотивационно-мировоззренческой среды бизнеса и ее обновлением, порождающим базисные институциональные инновации, приобрела вид

$$\begin{aligned} d\mu/dt &= -\zeta(\mu - \xi\eta), \\ \frac{d\eta}{dt} &= -\sigma(\eta - \omega\nu), \\ \nu &= \rho\mu - \eta, \end{aligned} \quad (3)$$

где μ , η , ν – сохраняют тот же смысл, что и в (2), а ζ , σ , ξ , ω и ρ интерпретируются по аналогии с μ , δ , η , ν и γ .

Модель (1) при некоторых значениях α , β , b , g подтверждает существование длинных волн с периодом τ (Меньшиков, Клименко, 1989). Исходя из предположения, что они “погружены” в порождаемые институциональными изменениями гиперволны, с помощью модели (2) определялся период последних (Θ) и значения параметров этой модели, при которых τ укладывалось бы в соответствующий интервал. Допускалось, что согласно сведениям из истории институциональных преобразований (North, 1990) Θ следует искать в интервале 70–90 лет. При

$2\pi/\sqrt{\mu\delta} = 70\nu = -2$ и, стало быть, $\mu = \delta$. Отсюда $2\pi/\delta = 70$, $\delta = \mu \approx 0.0898$. Округление δ и μ до 0.09 дает $\Theta \approx 69.8$ года. Считая, что $2\pi/\sqrt{\mu\delta} = 82.5$, при тех же условиях было получено $\Theta \approx 82.7$, или 87.3 года.

Далее решалась система (2), имея в виду, что при $\eta = 1/\gamma$ полином $\lambda^2 + \mu\delta(\nu + 1 - \eta\nu\gamma) = 0$ превращается в $\lambda^2 + \mu\delta = 0$. Характеристическое уравнение модели (1) имеет вид

$$\lambda^2 + [\alpha + \beta(1 + g)]\lambda + \alpha\beta(1 + g - bg) = 0, \quad (4)$$

и колебания в ней возникают при условиях

$$\begin{aligned} \alpha + \beta(1 + g) &= 0, \\ \alpha\beta(1 + g - bg) &> 0. \end{aligned} \quad (5)$$

Период колебаний τ в этом случае оказывается

$$\tau = 2\pi/\sqrt{\alpha\beta(1 + g - bg)}. \quad (6)$$

Исходя из (6) и считая, что $\tau \leq \Theta$, т.е.

$$2\pi/\sqrt{\alpha\beta(1 + g - bg)} \leq 2\pi/\sqrt{\mu\delta}, \quad (7)$$

были найдены β и g при значениях α и b , фиксированных согласно известным результатам их оценивания для модели (1) (Меньшиков, Клименко, 1989, с. 120).

Подстановка α, b, g, β в модель (1) позволила найти ее решение (y, k, p) с периодом τ , удовлетворяющим неравенству (7) в точках t , которые соответствуют концам последовательных периодов гиперволн избранной длины. Например, при $\Theta = 70$ это все t , кратные 70. Для них было проверено условие

$$|\tau_t - T| \leq \varepsilon, \quad (8)$$

где T – середина или граница интервала значений τ , существование которого доказано расчетами на конкретной экономической статистике. При обнаружении, что для каких-либо t условие (8) нарушено, по формуле

$$\gamma_{q+1} = \sum_t \gamma_q(t)/W \quad (9)$$

корректировалось γ . Здесь W – число точек t , охваченных экспериментом, $\gamma_q(t)$ – расчетное значение γ в точке t , а q – номер выполненной итерации расчета.

Далее определялось $\eta_{q+1} = 1/\gamma_{q+1}$, и по формуле

$$\alpha_{q+1} = (g + b)/\gamma_{q+1} \quad (10)$$

уточнялось значение α , а затем при прежних μ, δ и ν расчет проводился заново, и для всех t проверялось условие

$$|\gamma_{q+1}(t) - \gamma_{q+1}| \leq \varepsilon. \quad (11)$$

При его нарушениях согласно (9) и (10) вычислялись $\gamma_{q+2}, \eta_{q+2}, \alpha_{q+2}$ и выполнялась следующая итерация. Иначе, если не выполнялось условие (8), т.е. избранный период Θ оказывался не соответствующим действительности, отражаемой T , Θ корректировалось направленным поиском и процесс повторялся. В противном случае он завершался.

Такая имитация развития экономики, предпринятая более 10 лет назад (Завельский, 1998), позволила установить следующее. Длинные волны длительностью 40–60 лет (наиболее типичная длина – 53.7 года (Меньшиков, Клименко, 1989, с. 120)) соотносятся с гиперволнами продолжительностью 69.8–87.3 года (самая характерная – 82.7 года), которые связаны с институциональными преобразованиями. И в центре, и на границах этого интервала наблюдается уменьшение дивергенции динамики капиталовооруженности труда и нормы прибыли. Характерно, что при $\Theta = 82.7$ рост производительности труда с ускорением приспособляется к увеличению его капиталовооруженности, а последнее – к повышению нормы прибыли, и экономика стремится к равновесию, причем τ сокращается. Но с приближением Θ к 69.8 или 87.3 отображение каждой гиперволны оказывается перекошенным, так как оно все более захватывает пребывание эконо-

мики в относящихся к соседним волнам этого типа фазах устаревания и кризиса или начала обновления институциональной среды бизнеса.

Согласно выполненным расчетам средние за длительный период (в эксперименте – 825 лет) значения параметров длинных волн ($\alpha = 0.056$, $b = 0.5$, $g = -1.1$, $\beta = 0.54$, $\tau \approx 55$) при наиболее вероятной истинной величине $\Theta \approx 83$ года, естественно, отличаются от их значений для длинных волн, которые рассматриваются вне связи с гиперциклом (0.048, 0.62, -0.62, 0.25, 53.7) (Меньшиков, Клименко, 1989, с. 120). Но динамика этих параметров была представлена упрощенно, поскольку в расчете не учитывалось, что на фоне имитируемых “гиперволн” в более дробном времени протекают “длинные волны” с меняющимися значениями своих параметров (1). Чтобы избавиться от такого недостатка, при единице времени в 8.25 года, примерно равной статистически воспроизводимой протяженности волн Жуглара, т.е. при $t = 0; 8.25; 16.5; 24.75$ и т.д. до 825, начальных условиях $y(0) = y_0 = 2.014$, $k(0) = k_0 = 1.359$ (фактические среднегодовые темпы прироста за 1889–1909 гг. по статистике США (Меньшиков, Клименко, 1989, с. 78)) и параметрах $\alpha(t)$, $b(t)$, $g(t)$, $\beta(t)$, изменяющихся согласно результатам вычислений по (2) с $\Theta = 82.7$, многократно решалась система (1).

Это позволило уточнить представления о динамике приспособления скорости прироста производительности труда к капиталовооруженности и скорости движения последней к сдвигам средней нормы прибыли под влиянием происходящего с институциональной средой бизнеса и получить ряд любопытных результатов. Так, когда длинные волны рассматриваются сами по себе, принято считать, что в рыночной экономике в отличие от “командной” α обычно больше нуля, поскольку в противоположном случае начальное отклонение от положения равновесия имеет тенденцию экспоненциально расти, деформируя нормальное соотношение между y и k , что ведет к экспансии “теневой экономики” (Меньшиков, Клименко, 1989, с. 116). Выясняется, что с учетом погруженности этих волн в сверхдлинные подобное явление может регулярно наблюдаться и при рыночной экономике в связи с устареванием институциональной среды бизнеса. Но начало и развитие ее обновления гасят такую тенденцию. Индикатором этого служит постепенный переход α в положительную область и приближение к верхней поворотной точке.

Затем α снова уменьшается, и при ее обнулении производительность перестает реагировать на изменения капиталовооруженности труда. Это признак экономического кризиса, преодоление которого во многом подготавливается “теневой экономикой”, растущей при $\alpha < 0$. В ней накапливаются необходимые финансовые ресурсы и в виде неформальных правил поведения появляются первоначальные изменения устаревших институтов, благодаря чему рождаются рискованные технологические и организационные инновации, способные вызвать экономический рост. Потом эффективные с этой точки зрения правила закрепляются культурными стереотипами и законодательством. При этом адаптация капиталовооруженности к норме прибыли, изменения которой характеризуются динамикой параметра β , стремительно усиливается, как только приспособление скорости прироста производительности труда к капиталовооруженности убывает и требуются интенсивные инвестиции, а самый низкий уровень β приходится на фазу стабильности α вблизи ее верхней поворотной точки, когда стимулы осуществлять такие инвестиции ослабевают.

Удается выявить и динамику равновесных соотношений темпов прироста “производительность труда – его капиталовооруженность” (b), “капиталовооруженность труда – средняя норма прибыли” (g). Первое соотношение плавно колеблется от +1 до -1 с постоянным периодом, а значит, утверждение, будто на любых отрезках времени в 25–30 лет направленность изменений производительности и капиталовооруженности труда одинакова, а их темпы почти совпадают (Меньшиков, Клименко, 1989), справедливо, только если отвлечься от влияния институциональных изменений. Иначе это отмечается лишь в периоды преобладания инвестиций либо в расширение производства, либо в его техническое обновление посредством реконструкции.

Почву для важных заключений дают и изменения второго соотношения. Они качественно различны на протяжении начальных 400–450 лет и в течение последующего периода почти такой же протяженности: на смену значительным колебаниям вниз приходят подобные колебания вверх от нулевой отметки. На границе этих “суперциклов” спады и подъемы g наиболее велики, причем одни при приближении к ней нарастают, а другие при удалении от нее убывают, совпа-

дая по форме. Вместе с тем при равновесных состояниях экономики наблюдается рассогласование капиталовооруженности и изменений соотношения между нею и нормой прибыли, скорость которого стремится к максимуму. Вероятно, на динамике этого соотношения начинает сказываться эволюция мотивационно-мировоззренческой среды хозяйства, резко изменяющая ход его развития.

Сравнение траекторий движения производительности и капиталовооруженности труда, вычисленных без учета гиперволновой динамики α и b и принимая ее во внимание, убеждает, что в течение почти всего исходного суперцикла она мало влияет и на одно, и на другое, но все больше корректирует их движение по мере зарождения и развертывания очередной суперволны, отражающей последствия мотивационно-мировоззренческих мутаций. По-видимому, волны, связанные с технологическими и организационными новациями, распространяясь в области экономического пространства, размеры которой меньше их длин, сталкиваются с меняющейся мотивационно-мировоззренческой средой хозяйства. И результатом этого оказывается их рассеяние, или дифракция. Соответственно изменяются и упомянутые выше параметры хозяйства.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Описанным образом экономика развивается в пространстве, задаваемом системой отсчета ее переменных как координат, которые позволяют определить состояние этого объекта в любой точке относительно их начала. Такими координатами выступают независимые друг от друга темпы изменения за единицу времени различных средств, необходимых и доступных для хозяйственной деятельности (всегда неотрицательные). Когда эти темпы стабильны, точка, отображающая динамику хозяйства, в таком пространстве неподвижна, т.е. поддерживается постоянный экономический рост (или спад), а при их изменении он приходит в движение. В таком случае требуется учитывать скорость и направление экономического роста, для чего вводятся дополнительные координаты – производные от этих темпов. Они определяют скорость их изменения и способны принимать любые вещественные значения. Во всякой точке или области этого пространства темп экономического роста можно вычислить как функцию, предполагаемую непрерывно дифференцируемой нужное число раз, но в свою очередь изменяющейся при движении экономики. Это отображается некой траекторией как геометрическим местом точек, соответствующих темпам экономического роста, которые определяются функцией от координат хозяйства там, где последнее побывало.

Допустим, экономическое пространство, как и физический мир, имеет динамичную геометрию, закономерно изменяющуюся во времени, и для хозяйства существует не единственная система отсчета, а множество таких систем, причем каждая справедлива в области этого пространства, по историческим меркам сравнительно малой, адекватной некоторой общественной культуре, и связана с другими областями посредством его кривизны. Тогда геометрия этого пространства предопределяет закономерности экономического развития, которое в свою очередь предписывает такой геометрии искривление.

Вероятно, эта геометрия столь же мало связана с вещественной стороной хозяйства, как геометрия физического мира с материей, причем, тоже обладая некими внутренними степенями свободы, переносит идеи базисных инноваций как производительную энергию через “пустоту” (здесь аналог гравитационного излучения – информационное). Если придерживаться физических идей (Уилер, 1970), такие отдельные нововведения допустимо отождествлять с областями экономического пространства, где оно искривлено сильнее, чем вокруг. Тогда распространение всякого из них при восприятии этих искривлений – в данном случае как крутых холмов посреди равнины – можно представить как перемещение соответствующего “холма” из одной точки экономического пространства в другую.

Ареной действия геометродинамики физического мира полагается суперпространство. Если принять за поле технологического и организационного обновления хозяйства пространство-время, а динамическими явлениями считать и сами базисные инновации, и время, то по аналогии экономическое суперпространство оказывается множеством, каждый элемент или отдельная точка которого – “ n -геометрия” с измерениями “капитал”, “труд”, “прочие факто-

ры производства”. При этом мгновенная организационно-технологическая структура хозяйства как совокупность определенных соотношений факторов производства выступает понятием вторичным – событием, которое лежит на пересечении данной “ n -геометрии” в качестве мгновенной конфигурации экономического пространства (понятия первичного) с другими “ n -геометриями”.

Предполагая, что изменения скорости правил хозяйственного поведения относительно его мотивов и мыслительных конструкций (моделей) пренебрежимо малы, любую такую геометрию можно интерпретировать как некую единую мировоззренчески-институциональную среду бизнеса (МИС), стимулирующую замещение каждого фактора производства прочими согласно особым закономерностям и соотношениям. Положительно определенная метрика МИС гарантирует, что любой параметр хозяйства локализован во всякой точке этой конфигурации и не связан с какими бы то ни было параметрами, относящимися к другой его организационно-технологической структуре. Но эти параметры “коммутируют” в том смысле, что могут быть одновременно определены на всей данной “ n -геометрии”. Удовлетворяя условиям интерференции, такая МИС как пространственно-подобный разрез “ $(n+1)$ -геометрии” выступает носителем временной информации. Любые две такие динамически допустимые среды могут пересекаться, и разложение “ $(n+1)$ -геометрии” на элементы дает бесконечное множество МИС, каждая из которых имеет единственную, жестко фиксированную локализацию во времени.

Последовательность точек экономического пространства, в которых возникают базисные инновации и выполняются все условия интерференции, по аналогии с квантовой физикой можно считать мировой линией организационно-технологического прогресса. Тогда “ $(n+1)$ -геометрия” как совокупность МИС, удовлетворяющих таким условиям, образует геометродинамический закон движения экономического пространства, и ее допустимо интерпретировать как экономическую историю человечества.

Такая история началась с пробуждением разума, причем ей свойственна конвергенция различных народов касательно мыслительных конструкций, мотивов, правил хозяйственного поведения. Она определяется духовной связью людей на основе трансцендентной взаимопроникновенности. Только вера в это способна дать всякому народу в качестве индивидуальности понимание того, что он безграничен – как момент человечества. Аппроксимация такого общего истока взаимопроникновением благодаря обмену информацией позволяет людям открывать в себе новые измерения как нетривиальные мыслительные конструкции, мотивы, правила поведения, прежде неизвестные творческие и хозяйственные задатки. В этом состоит пробуждение разума, а история – процесс осознания такой взаимопроникновенности, движения к ней как к истине из предистории, когда локальные культуры (и экономики), уже связанные “обменом веществ”, еще сохраняют автономию разума.

“Идеальную ось”, вокруг которой это происходит, условно можно сравнивать с теоретической линией регрессии, которая, однако, не поддается корректному аналитическому определению, поскольку число существенных переменных здесь огромно, а доступная статистическая выборка в сопоставлении с ним ничтожна. Графическим аналогом упомянутой выше последовательности МИС в качестве действительного “осевого времени” (Ясперс, 1994) можно считать эмпирическую линию регрессии. Эта “реальная ось” – ломаная линия, зигзаги которой отражают влияние случайности на экономическую историю человечества.

РОЛЬ СВОБОДЫ И ВНЕШНЕГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Экономический прогресс требует готовности к обмену информацией и изъясления людьми собственной воли, которая пробуждается не раньше, чем человек приобщится к знанию и научится, размышляя, осознавать ее. Иначе “человек подчиняется... мыслимому, мнимому, представляемому, доктринам, а это в свою очередь ведет к насилию, хаосу и крушению”. Одаривание свободой людей, не подготовленных к ней самовоспитанием, “внезапно может не только привести к охлократии и в конечном итоге к тирании, но уже до этого способствовать тому, что власть окажется в руках случайно поднявшейся клики, поскольку население, по существу, не знает, за что оно отдает свой голоса” (Ясперс, 1994).

Человек обречен в поте лица своего добывать хлеб насущный, причем неизбежный момент любого хозяйственного действия – размышление его субъекта, подчиняться или не подчиняться чужой воле (будь что будет или будь что должно быть). Ответ на такой вопрос зависит от ожидаемых издержек и результатов, которые регулярно сопоставляются друг с другом, и постоянно уточняется вместе с этими ожиданиями, принимая во внимание накопленный опыт. Налицо самообучение, приводящее от противного к осознанию собственной воли в хозяйственной жизни. А потому экономика всегда – переплетение отношений, легитимных и непредусмотренных государственными законами, причем всякий субъект хозяйства, иногда даже не подозревая о том, оказывается участником как одних, так и других. Но если при этом люди исходят из веры, пребывающей в союзе со знанием, они создают институты, в конце концов формирующие ту легитимность, при которой индивидуальность (личностная или групповая) только и может вполне состояться, т.е. реализовать саму себя, а следовательно, и общечеловеческие возможности, закодированные в ее специфичной предметности.

Экономику, не зарегулированную извне, свободную от легитимных правил хозяйственного поведения, часто неудачно называют теневой, полагая, что ее нужно извести и это достижимо. Однако думающие так не учитывают, что экономическая динамика – результат борьбы двух никогда не реализуемых крайностей: одна – спонтанная деятельность отдельных людей и их общностей исходя лишь из собственного представления о ее целесообразности и возможностях, другая – действия “запрограммированные”, т.е. в соответствии с предписаниями извне. При этом легитимные нормы поведения в любой момент в чем-то соотносятся с тем, как понимают реальность различные индивидуальности, и с их интересами, а в чем-то нет. В меру одного те становятся субъектами, а в меру другого – объектами управления со стороны иных людей и своей повседневной деятельностью так ассимилируют эти нормы, чтобы социум из условного расчленения на субъект и объект управления превратился в их взаимопроникновение, совмещающее их знания и согласующее их интересы.

Поэтому действительная экономика всегда объемней ее рафинированного образа, воспринимаемого сквозь призму общепризнанного мышления и существующей правовой системы, на неформальные, не зарегулированные тем и другим отношения, посредством которых и реализуется такая ассимиляция, а с нею инициатива, основанная на продвинутом понимании хозяйственных возможностей и опасностей. Свободная от таких ограничений экономика воплощает движение, которое как необходимое прокладывает себе путь через бесконечное множество случайностей. Среди внешних проявлений этого движения встречаются и безнравственные, и сугубо криминальные, которым, конечно, необходимо противостоять адекватными способами. Но следует иметь в виду, что “...упорядоченный механизм с его окончательно ограниченными функциями, обязанностями и правами противопоставляет себя опасной для существующего порядка инициативе, индивидуальной смелости, истокам, без которых, однако, целое не могло бы продолжать существовать во все новых ситуациях среды... Организация разрушила бы то, что она стремится обеспечить для человека как человека, если бы противоположные ей силы не держали ее в узде...”. Человек создает “мир планированного порядка, пытаясь перейти его границы там, где они обнаруживаются... как его противники, но в них он... и присутствует в качестве самого себя, того, кто не входит в установленный порядок. Если бы он полностью одолел противника порядка своего существования, он потерял бы самого себя в созданном им мире” (Ясперс, 1994).

Движение, о котором идет речь, и есть спонтанное возникновение, а затем прорастание в культурные стереотипы потенциальных изменений тех правил, мотивов и моделей хозяйства, которые препятствуют его естественному развитию. Такие изменения в конечном счете становятся социальными нормами, оберегая рассудок и право от окостенелости – превращения в панцирь, отгораживающий людей от мироздания и обрекающий их на гибель. При этом, пытаясь выделить полезный сигнал на шумовом фоне незарегулированной экономики, следует иметь в виду, что суть эволюции хозяйства определяется тем абсолютным пределом, который заключен в движении знания и состоит в неотделимом от обмена информацией росте разнообразия образа жизни человека, приближающем воплощение упомянутой трансцендентной целостности. Иная трактовка этого процесса неизбежно приписывает ему надуманную цель.

НОВАЯ ФОРМА БОГАТСТВА

Сегодня в этом процессе нарождается новая общественная форма богатства. Дело в том, что вектор эволюции экономики постоянно уточняется под влиянием необходимых для ее развития ресурсов, внешних по отношению к человеку, ибо из-за недостатка таких ресурсов, которые пользуются у людей наибольшей популярностью относительно масштабов совокупных запросов на них (или технологий их освоения, или времени для этого), синхронное общественное признание всех этих притязаний и, стало быть, одобрение всех индивидуальных хозяйственных предпочтений невозможно. Получается, что в каждый момент кто-то в силу обстоятельств, внешних по времени (благодаря лучшей предшествующей личной подготовке к занятиям, которые требуют расхода подобных ресурсов) или по месту обитания (вследствие природных условий территории, исторического развития ее хозяйства и т.п.), в этот момент способен добиться своего, следуя легитимным правилам, а кто-то вынужден уступать. Поэтому общий экономический рост оказывается значительнее, чем в противном случае, и победившие в легальном соперничестве извлекают своего рода ренту, а проигравшие несут потери, поскольку им остаются занятия, не столь доходные и в их понимании менее привлекательные.

Действующие легитимные правила хозяйства могут предусматривать какую-то компенсацию таких потерь. Но чем она меньше, тем больше “потерпевшие” стремятся добиться ее самовольно, изымая в свою пользу упомянутую ренту через незарегулированную экономику. Обычно так вознаграждаются не сами по себе их трудовые усилия. Но если это изъятие соответствует приращению общественного продукта, которое определено свойствами внешних ресурсов и занятий, доставшихся “победителям”, а не их личными качествами, то, уравнивая всех в отношении к этим ресурсам, оно позволяет получить представление о всеобщей ценности деятельности (и образа жизни) каждого участника хозяйства. Сложив часть общественного продукта, присвоенную субъектом на законных основаниях, с доставшейся ему компенсацией потерь или уменьшив эту часть на изъятую у него ренту, можно определить его конечный доход.

Необходимое условие соответствия такого дохода участника хозяйства всеобщей ценности его индивидуального образа жизни – равенство либо сумме добавленной стоимости, созданной усилиями данного субъекта, и ее производства, упущенного им из-за согласия, чтобы какие-то внешние ресурсы использовались другими людьми, либо разности между этой стоимостью и возмещением из нее другим людям названного ущерба, но в размере, не превышающем ее прироста благодаря уступкам с их стороны. Это возмещение “потерпевшие” могут употребить на оплату всего того (образование, профессиональная подготовка, техническое переоснащение, смена места жительства и т.п.), что способно сделать экономически состоятельными их притязания на внешние ресурсы, которые необходимы для желанной деятельности. Если компенсации хватает, чтобы за срок, приемлемый для получателя (т.е. с учетом ее адекватного дисконтирования), согласовать его конкурентоспособность при распределении ресурсов с хозяйственными предпочтениями, то выполняется достаточное условие соответствия конечного дохода субъекта всеобщей ценности его образа жизни.

Незарегулированная экономика рационализирует кооперацию в масштабах всего хозяйства, обеспечивая такое сложение индивидуальных способностей, которое приумножает его результат. При этом в каждый момент экономический рост достигается благодаря отдаче от деятельности людей, которые получают в свое распоряжение самые эффективные внешние ресурсы. Но это происходит вследствие компромиссного поведения других “кооператоров”, вносящих тем самым в экономический рост определенный вклад помимо непосредственно трудового, за что они и вознаграждаются компенсацией в пределах выгоды, которая иначе в легитимном хозяйстве была бы упущена. А люди, которые ради такого возмещения лишаются части ренты, отдают приобретенное ими по причине, не зависящей от собственных усилий. И появляется возможность того, что в обозримом будущем соперники поменяются ролями.

Альтернатива этому – стагнация экономики и рост социальной напряженности, способный завершиться социальной катастрофой. Но объемы отдельных товаров, равновеликие по изменениям конечных доходов, т.е. одинаково весомые с позиций всеобщей ценности индивидуально-го образа жизни людей, заинтересованных в соответствующих благах, при любом ином соизмерении, в частности по ценам производства, неэквивалентны. Возникающая из-за этого разница

может послужить источником инвестиций, приводящих в действие такие задатки людей, которые превосходят применяемые в хозяйстве. Использование этих задатков позволяет в рамках отдельных стран и на международном уровне предотвращать кризис как вынужденный способ преодоления внешней обособленности внутренне несамостоятельных процессов разделения и модернизации труда.

Таким образом, эволюции экономики присуща тенденция адаптировать достоинства частной собственности, отторгая ее свойства, которые тормозят движение хозяйства к единству, тождественному трансцендентной целостности. Вместе с тем ослабевает зависимость его развития от ресурсов внешнего происхождения, что достижимо только при их замещении результатами человеческого самопознания. Оно позволяет избавиться от уз доктринальных правил поведения благодаря информационному взаимопроникновению людей. И в странах, где отсутствует нацеленная на него инновационная культура, участники хозяйства обретают возможности избавляться от такой зависимости преимущественно вне сферы легитимных экономических отношений.

Ключ к пониманию того, как изменить эту ситуацию, дает такое свойство поведения личностных и групповых индивидуальностей, как эффекты его обратных связей. Предпочтение, которое человек, постигая свою сущность, в тот или иной период отдает какой-то хозяйственной деятельности и адекватному ей образу жизни, кристаллизуется в борьбе его природных инстинктов (включая жажду власти) и духовных позывов, а обнаруживается устраивающим его “доходом”. Это – находящая выражение в деньгах определенная комбинация удовлетворяемых интересов к внутреннему смыслу занятия, творчеству, новому знанию, потребительским благам и услугам, престижу, свободному времени и т.д. Такая комбинация, сама создавая для этого условия, претерпевает исторические изменения при замещении одной МИС другой.

Когда какая-то индивидуальность под давлением ли внешних сил, вследствие экономической несостоятельности или добровольно отказывается от деятельности, сулящей больший “доход” такого рода, в пользу иного занятия и уступает другим необходимые для нее внешние ресурсы, у остальных людей вместе взятых возникает приращение суммарного дохода, которое и представляет собой эффект обратных связей поведения этой индивидуальности. Такой эффект в отличие от внешнего, обнаруживающего нарушения лишь экономических прав людей, проявляет ущемление их естественных прав на занятие по своему усмотрению любой общественно безопасной хозяйственной деятельностью.

Острота разногласий, возникающих по поводу естественных прав, в значительной мере зависит от эластичности спроса на труд, а она – от мобильности людей, которая может сдерживаться слаборазвитым рынком жилья, высокими транспортными тарифами и т.п. Но особенно заметно на нее влияет внутренняя неоднородность мирового рынка труда и его регионализация в отдельных странах по национальному признаку при естественном праве доступа различных компактно проживающих народов к желанным занятиям в местах исторического расселения. При этом из-за территориальных различий условий хозяйства в каких-то регионах преимущественное развитие получает сравнительно высокодоходная деятельность, а жители других местностей несут потери, связанные с этим, поскольку вынуждены заниматься делами, менее удовлетворяющими их и не столь доходными.

Аналогичны последствия ослабления мобильности капитала из-за разных предубеждений, порождающих выборочные ограничения его перелива в другие страны, регионы и отрасли хозяйства. Таким образом, разногласия относительно “естественных прав” людей переносятся на уровень отношений, определяющих устойчивость внутригосударственного или мирового порядка. И угрозу его распада, который чреват многократно большими издержками и потерями, может лишь регулярное возмещение упомянутых убытков путем перераспределения эффектов обратных связей поведения.

Последние десятилетия все более отчетливыми становятся признаки стремления обеспечить согласие во внутригосударственных и международных отношениях, по сути, путем перераспределения таких эффектов на правовой основе. Это перераспределение осуществляется через внутри- и межгосударственные трансферты, льготное финансирование, кредитование, налогообложение депрессивных хозяйств, помощь экономике развивающихся стран средствами из международных фондов, списание ее долгов, социальную поддержку малоимущих за счет

повышенных бюджетных сборов с высокодоходных предпринимателей, допуск наемных работников к участию в распределении прибылей и формировании основного капитала корпораций, к управлению ими и т.д.

Последовательная реализация упомянутого стремления отвергает любую иную экономическую форму богатства, кроме всеобщей ценности индивидуального образа жизни, и делает ее денежное выражение – соответствующие конечные доходы – мерой эквивалентности обмена. Однако адекватные этому методы перераспределения эффектов обратных связей поведения с трудом прокладывают себе дорогу к общественному и международному признанию, потому что они, решая задачу создать условия, позволяющие экономически недостаточно состоятельным субъектам хозяйства заниматься деятельностью, предпочитаемой, но недоступной тем из-за их низкой конкурентоспособности, отвергают привычку направлять подавляющую часть того, что перераспределяется, непосредственно на личное потребление.

Такая канализация возмещения снижает его стимулирующее воздействие на выбор и интенсивность занятий субъектов хозяйства, не позволяет преодолеть отсталость тех свойств одних и исключить стагнацию тех свойств других, от которых зависит экономический прогресс. В итоге различия в их экономической состоятельности часто усиливаются, а необходимые расходы в счет компенсации эффектов обратных связей поведения оказываются самовозрастающими, так что со временем все большая часть общественного и мирового богатства растрачивается впустую, потворствуя не тому, чтобы человек обрел себя среди других людей, а его отчуждению от них и противопоставлению им. Отсюда политические, расовые, религиозные конфликты, обезображивающие бытие и ставящие его на грань краха.

Подобные конфликты вынудили развитые страны начать легитимацию перераспределения богатства, считаясь с всеобщей ценностью индивидуального образа жизни. Это открывает перед получателями компенсации в счет эффектов обратных связей путь превращения за приемлемое время в конкурентоспособных претендентов на предпочитаемые хозяйственные занятия и содействует становлению отношений солидарности, постепенно возводящих на национальный и международный уровень принципы, по сути, общинной собственности. А она, как заметил еще Прудон, “более пригодна для применения в жизни, чем абсолютное *dominium* римлян, которое воскресло в нашем праве собственности. Никакой разумный экономист не может желать большего” (Туган-Барановский, 1918).

Всеобщая ценность индивидуального образа жизни по мере такого перераспределения и становления соответствующей мировоззренчески-институциональной среды хозяйства все увереннее чувствует себя при оценке экономических решений. Такая форма богатства подобно клеточке обнаруживает все качества солидарности как способа долговременного интенсивного производства в условиях глобализации, а “капитал” и “потребительская полезность” утрачивают свою значимость, постепенно ограничиваясь кругом явлений, в котором претензии того и другого ориентировать движение хозяйства соответствуют их возможностям правильно соизмерять только затраты и результаты краткосрочного, экстенсивного, узконационального общественного воспроизводства.

Эволюция экономики отвела компенсации в счет эффектов обратных связей поведения как слагаемому конечных доходов роль необходимого внешнего дополнения имманентных человеку во всей полноте его сущности, но еще недостаточно осознанных им мотивов хозяйственных действий. Однако когда эта компенсация осуществляется преимущественно через нерегулируемую экономику, соответствие таких доходов всеобщей ценности индивидуального образа жизни (соразмерность возмещения названным эффектам и его использование по должному назначению) оказывается закономерностью, обнаруживаемой только на множестве случайных событий, законы распределения вероятностей которых неизвестны. Ослабить ее нарушения способно лишь государство при определенных правилах формирования хозяйственной политики.

Разработка такой политики должна быть организована как итеративный обменный процесс переговоров между властями разных уровней, который бы следовал критерию общественного согласия и завершался принятием отвечающих этому решений (о налогообложении и расходовании бюджета, регулировании бизнеса и т.п.), подготовленных совместно и выступающих в качестве свода экономически ответственных обязательств составителей друг перед другом, а равно

каждого из них – перед предпринимателями и населением, делегировавшим ему полномочия. Подобный подход, родственный взглядам К. Вискеля, Дж. Роулза, Дж. Бьюкенена, Г. Таллока и др., в России независимо развивается и отстаивается нами с середины 1960-х годов ((Завельский, 1969) и др.).

Экономическая ответственность сможет направлять действия работников государственных учреждений в нужное обществу русло и отвращать их от коррупции, только если сообразуется с их привычкой извлекать собственную выгоду из отправления должностных функций и будет, с одной стороны, помогать росту, а с другой – угрожать сохранению материального благополучия и социального статуса этих людей как его залога и источника власти, обладание которой само по себе – сильнейший побудительный мотив их деятельности. Пригодный для этого механизм описан в (Завельский, 2006) и др.

АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ

Преодолеть Великую депрессию удалось, как известно, благодаря целенаправленной реформе правил хозяйственной деятельности и их изменениям под влиянием обстоятельств мировой войны. Именно аналогичные меры нужны и теперь, поскольку внешние проявления нынешнего кризиса (падение ликвидности и общественного спроса, рецессия, увеличение инфляции и безработицы) – главным образом плоды утраты соответствия правилами бизнеса, тем, которые необходимы для безопасного применения средств его большей инструментальной рациональности, изобретенных и освоенных в предшествующие годы бурного экономического роста (включая секьюритизацию, деривативы, ипотеку и т.д.). Применительно к современной России с учетом особенностей ее МИС первоочередным представляется следующее.

Имея в виду, что отечественные производители не склонны стимулировать спрос, удешевляя свою продукцию соответственно динамике стоимости потребляемых ресурсов, необходимо дифференцировать ставки налогов на доходы предприятий в зависимости от индексов цен их изделий. Для профилактики конвертации в иностранную валюту и вывоза средств государственной поддержки бизнеса те из них, которые не подтверждены документами об использовании на оплату импорта, нужно изымать в стабилизационный фонд и (или) резервы ЦБ РФ, а по представлении таких документов – наращивать эту помощь в зависимости от вида ввозимого (с предпочтением товарам, рост спроса на которые импортозамещающие производства страны не покрывают).

Требуется, сокращая валютные интервенции, предпринимаемые ЦБ РФ для поддержки курса рубля, и воздерживаясь от коррекции ставок налогов на экспорт, ввести такие льготы по налогам на доходы фирм, продающих на ММВБ иностранную валюту, полученную в результате внешнеэкономических сделок, которые дифференцировались бы по ее видам и относительным масштабам реализации, предоставляя продавцам тем большие преимущества, чем основательнее их роль в замещении этих интервенций.

Целесообразно наладить прямую помощь из стабилизационного фонда бизнесу, занятому жилищно-коммунальным строительством, в обмен на снижение им в определенной пропорции (но не менее фиксированного уровня) цен реализуемой продукции с дифференциацией в зависимости от степени снижения, социальной значимости и качества возводимых объектов. Необходимо разработать и осуществить программы развития производственной инфраструктуры отдельных регионов, ориентируясь на параметры современных статистических моделей их экономического роста (Галин, Завельский, 2007). Заслуживает внимания предложение организовать строительство скоростной общероссийской дороги “Запад – Восток”. Все эти программы должны быть рассчитаны преимущественно на частное финансирование, стимулируемое льготами по налогам на доходы инвесторов, соответствующими относительному размеру вложений каждого.

Имеет смысл ввести налоговые льготы (санкции), увязанные с процентным изменением числа рабочих мест на предприятии (взвешенным по соотношению оплаты труда на новых или выходяющих рабочих местах к среднеотраслевой). Сдерживая рост безработицы, следует средствами стабилизационного фонда содействовать прежде всего российским производителям той

продукции, для которой характерны наибольшие коэффициенты полных трудовых затрат, наделив получателей помощи правом использовать ее для поддержки производства солидарно с отечественными поставщиками их материально-технических ресурсов (а последних – с их контрагентами из страны и т.д.), что поощрялось бы налоговыми льготами, сопряженными с размерами этого дележа.

Необходимо создать стимуляторы территориально дифференцированной коррекции организационно-правовой структуры экономики, побуждающие расширять определенные формы хозяйственной собственности там, где согласно параметрам упомянутых моделей экономического роста регионов это положительно сказывается на нем и занятости населения (скажем, в виде отчислений из федерального бюджета в бюджет субъекта Федерации, повышающихся пропорционально увеличению доли в его хозяйстве предприятий соответствующей формы собственности (Галин, Завельский, 2007)).

Все это должно сопровождаться коренной технической и структурной модернизацией хозяйства, для чего потребуются примерно в полтора раза повысить норму инвестиций в стране, освобождая от налогов капиталовложения предприятий, увеличивая долю инвестиционных расходов в структуре государственного бюджета, используя для их финансирования на заемной основе растущую часть золотовалютных резервов России, формируя рыночную инфраструктуру инвестиций путем резкого расширения накопительного пенсионного фонда и активов страховых компаний, массового привлечения средств населения в паевые фонды и – на длительные сроки – в банки, переориентации на них потоков ресурсов из казны и хозрасчетных средств бюджетных организаций (Аганбегян, 2009). Особо следует отметить целесообразность перехода к предложенной там же новой структуре заработной платы, что позволит освободить государственный бюджет от значительной части социальных расходов.

Однако, по моему мнению, к выполнению всех этих и других рекомендаций императивного характера бюрократический аппарат современной России насильственно принудить невозможно, как нельзя добиться крайне настоящего резкого сокращения затрат на него и его коррупционных возможностей формальным “освобождением государства от пут коммерческой собственности” и одним лишь ужесточением административно-правовых мер. Иное дело – введение упомянутой ранее экономической ответственности органов власти за решения, влияющие на условия хозяйства (в том числе на его защиту от кризисов), осуществление определяющих такую ответственность изменений в правилах деятельности этих органов, оплаты и ротации их работников (Завельский, 2006).

Решится ли государство на это? Отвечая на такой вопрос, следует иметь в виду, что оно возникло как синтез непреходящих противоположностей – насилия и убеждения – в отрицание власти предшественников, потому что при сложившихся обстоятельствах, используя в качестве инструмента не традицию, а право, лучше обеспечивало соответствие отношений отдельных людей и их объединений выживанию общества. Но нормы права справляются с этим, если регламентируют такие отношения сообразно восприятию реальности сознательным носителем движения богатства общества, и потому должны совершенствоваться, поспевая за происходящими в нем событиями. А в его недрах время от времени наливается соками новая экономическая форма богатства, все настойчивее претендуя на господство в отношениях между людьми и соответственно вознося носителя своего движения.

Вместе с тем государство, стремясь охватить своей властью как можно больше людей и территорий, технологически налаживает ее необходимую основу – систему информации. А такая система, безразличная к возводимому на ней зданию, становится проводником культуры и потому резко усиливает влияние на общество источника иной, интеллектуальной власти – латентного центра, который не нуждается ни в правовом оформлении, ни в аппарате принуждения, поскольку инструмент его воздействия – авторитет нравственного идеала, выявленного таланта, выдающихся знаний, неповторимого умения. Государство сосредоточено на том, чтобы общество сохраняло *тождественность* самому себе, регулярно воспроизводя преобладающее в нем содержание сознания, тогда как этот центр столь же постоянно (желают того олицетворяющие его люди, синхронна ли вообще их эмпирическая жизнь данной форме государственности или нет) инициирует возмущения внутри общества, оказываясь возбудителем его *динамичности*.

Отсюда – неизбежная конфронтация самой жизни сложившейся легитимности, которой противостоит естественное право носителя движения богатства в форме, претендующей на господство. Она соответствует новому пониманию реальности, выражением которого служит. Это противоречие преодолевается синтезом из такого права и такого понимания реальности иного государственного устройства, которое, отрицая прежнее, соотносит легитимные нормы с изменившимся общественным сознанием, а следовательно, с практически модернизированными экономическими отношениями. Таким образом, “меняя кожу” ради самоутверждения, государство идет на компромисс с латентным центром и приобщается к его ценностям. Так происходило, когда абсолютизм уступал место парламентарной монархии, а она – республике и т.д., т.е. самоутверждение оказывается самоотрицанием: содержание государства как синтез убеждения и принуждения шаг за шагом исчерпывается, пока в конце концов совсем не отождествится с авторитетом этого центра.

Распространение в экономической жизни отношений солидарности порождает адекватный именно им взаимовыгодный обмен. Он отличается от эквивалентного при прежних измерителях ценности товаров. Об этом говорят все более частые нарушения традиционно понимаемого принципа рентабельности, прогрессирующая эрозия общей нормы прибыли и цен производства в точном смысле слова, особенно в развитых странах. Такие явления иногда связывают с профессиональной ущербностью корпоративного менеджмента или государственного вмешательства в хозяйство. Вероятно, не обходится и без этого, но их главная причина – постепенное приспособление экономики к всеобщей ценности индивидуального образа жизни как новой форме богатства.

Эта форма зиждется на отношении каждой человеческой индивидуальности к другим как к наделенным особыми, только им присущими деловыми задатками, актуализация которых раскрывает специфические возможности всех людей, а значит, и ее собственные. И власть подобных способностей, равных в своем различии, выявляемых и приводимых в действие благодаря солидарности людей, предстает как их власть по отношению друг к другу. Способ производства, при котором такая форма возобладает, будет самым своим ходом объединять эти задатки с условиями их реализации, а потому – воссоздавать и увековечивать саморазвитие человека. С ее ростом уменьшаются эффекты обратных связей поведения и солидарность все более осуществляется не через перераспределение результатов хозяйственной деятельности, а непосредственно в ней самой – как интеллектуальное взаимопроникновение ее участников благодаря обмену информацией. Поэтому они, в растущем разнообразии их выявленных способностей становясь все более различными, делают друг для друга и общества в целом все более равноценными.

* * *

Продолжительность суперволн при исторических сроках зарождения капиталистического хозяйства позволяет прогнозировать на исходе XXI в. куда более разрушительный кризис, который будет вызван мотивационно-мировоззренческим дисбалансом экономики и станет ужесточаться с очередным устареванием ее институциональной среды. Одолеть его удастся лишь при коренном пересмотре экономической парадигмы. Основой этого может послужить законодательное признание всеобщей ценности индивидуального образа жизни как национальной и международной формы богатства, а следовательно, соответствующих ей экономических отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аганбегян А. (2009): Кризис: беда и шанс для России. М.: Астрель.
- Аттали Ж. (2009): Мировой экономический кризис. СПб.: Питер.
- Галин Д.М., Завельский М.Г. (2007): Статистическое моделирование экономического роста современной России // *Модели и информационные технологии хозяйственной политики*. Труды ИСА РАН. Т. 30.
- Завельский М.Г. (1969): Проблемы и методы комплексного совершенствования перспективного планирования и функционирования социалистической экономики: Дис. на соискание ученой степени д-ра экон. наук. М.: МИНХ им. Г.В. Плеханова.

- Завельский М.Г.** (1998): Социальная динамика и модернизация экономики // *Экономическая наука современной России*. № 2.
- Завельский М.Г.** (1999): Общая теория экономики (основания, контуры, проблемы) // *Системные исследования. Методологические проблемы*. Ежегодник 1998. Ч. I. М.: Эдиториал УРСС, ИСА РАН.
- Завельский М.Г.** (2006): Государственное регулирование рыночной экономики: системный подход в российских условиях. М.: Наука.
- Меньшиков С.М., Клименко Л.А.** (1989): Длинные волны в экономике. М.: Междунар. отношения.
- Николич Г., Пригожин И.** (1990): Познание сложного. М.: Мир.
- Туган-Барановский М.** (1918): Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. М.: Изд-во ВЦСПО.
- Уилер Дж.А.** (1970): Предвидение Эйнштейна. М.: Мир.
- Ясперс К.** (1994): Смысл и назначение истории. М.: Республика.
- Mumford L.** (1967): *Myth of the Machine: Technics and Human Development*. N.Y.: Harcourt, Brace & World, Inc.
- North D.** (1990): *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Поступила в редакцию
20.10.2009 г.

Regularities of Economy and Economic Crisis

M.G. Zavelsky

Development of economy is presented by the simulation model. Existence of superlong waves, explained by renovation and growing old institutional and motivational-world-outlook ambience of economy, in this development is found by calculations on this model. It is shown that this process occurs in the economic space, which is set by the reference system of economy variables as coordinates and possesses a dynamic geometry changing during time that draws this space displacement from one world-outlook-institutional ambience in other one, stimulating production factors substitution by each other according to particular regularities and correlations. The role of liberty and external regulation of economy in such motion and arising herewith new national and international form of wealth and its corresponding economic relations are revealed, anti-crisis measures with reference to the condition of modern Russia offered.

Keywords: economic cycles, long and superlong waves, motivational-institutional ambience of economy, simulation economy model, economic space, general value of individual lifestyle, unadjusted economy, crisis, anti-crisis measures.